

Е. СТАЛИНСКИЙ

ПУТИ РЕВОЛЮЦИИ

П Р А Г А

1 9 2 5

Издательство «Воля Россіи»

Praha I, Uhelny[†] trh č. 1

1925

Все права сохранены

Tous droits réservés

Copyright by «Volja Rossii»

I.

ОСОБЫЕ ПУТИ РОССИИ.

Для того, чтобы понять истинный характер русской революции, необходимо предварительно бросить хотя бы беглый ретроспективный взгляд на развитие русской государственности и на те условия, среди которых совершалось это развитие. Его пути были особые, резко отличные от тех, которые знал Запад.

Никто не вскрыл так ярко их глубокого своеобразия как Ключевский, гениальный анализ которого не только пролил ослепительный свет на прошлое России, но дал также ключ к уразумению событий нашего революционного периода. Да, у России действительно особенная статья. Русское государство складывалось, развивалось и росло не в соответствии с установленными правилами исторической жизни, а далеко от них отклоняясь. Развитие его было поэтому глубоко своеобразно и, естественно, должно было привести к такого же рода результатам. Эту основную черту русской истории, проходящую через нее красной

нитью, быть может, и нельзя «измерить» общим аршином, но «умом понять», конечно, можно.

Ключевский в своем анализе, как известно, не устанавливает отрицания исторической закономерности, но лишь исключения из правил исторической жизни. Они, эти исключения, определяют исключительный по существу процесс развития, в то же время протекающий согласно общим законам.

В первом случае, речь могла бы идти об *аномалиях*, во втором — об *антиномиях*. Исключения из правил, подводящиеся под последнее понятие, являются производением «своеобразного местного склада условий, который, однако, раз образовавшись, в дальнейшем своем действии повинуетя уже общим законам человеческой жизни, как организм с расстроенной нервной системой функционирует по общим нормам органической жизни, только производит соответствующие своему расстройству ненормальные явления».

Ключевский усматривает три основных антиномии, захватывающие все главные явления большого периода. И они действительно так крупны, так сильно окрашивают весь фон русской истории, что, игнорируя их, понять в ней ничего нельзя. Первая антиномия заключается в том, что до половины XIX-го века внешнее территориальное расширение государства идет в обратном пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа. Иными

словами, по мере того, как Россия росла и ширилась и раздвигались ее границы, включая новые огромные земли, по мере того, как она благодаря этому становилась *во вне* более могучей, и следовательно, и более свободной, внутри ее возростало политическое рабство, усугублялось бесправие масс, которых абсолютизм все крепче сковывал своей железной цепью. Внешний рост России сопровождался усилением ее внутреннего порабощения. Вместе с ростом внешней силы народа все более стеснялась его внутренняя свобода.

В таком же обратнопропорциональном отношении устанавливалось и политическое положение трудящихся классов к экономической производительности их труда. И здесь, в этой области, все совершается на выворот. Развитие трудовой силы, вместо того, чтобы вести, как это было бы естественно, к улучшению правового положения трудящихся масс, сопровождается как раз еще большим их закабалением. В европеизированной России народный труд осложняется новыми производствами, но наряду с этим лишается последних крупин вольностей, с окончательным закрепощением крестьянства.

И еще третье исключение из правил исторической жизни, третья *антиномия*. Под влиянием непреодолимого давления жизненной необходимости демократизируется управление. В состав правящего класса втягиваются новые

элементы, ранее находившиеся за его пределами, жившие, так сказать, этажом ниже в пирамиде русского общества. Боярство, аристократия породы, владевшее монополией управления, поглощается дворянством. Затем демократизируется и дворянство, путем снятия рогаatok, закрывавших проникновение в его ряды выходцам из других низших сословий. Но в то же время правящий класс, численно расширившийся, в целом приобретает новые привилегии и права, еще большие, чем те, которыми обладало старое боярство. Его основа расширена, но вместе с тем он еще более выделяется из общей массы, еще выше поднят над нею. И, таким образом, демократизация управления сопровождается усилением социального неравенства.

В чем же разгадка этой на первый взгляд странной загадки? Почему в русских условиях законы исторической жизни действовали как-то наизуоборот? Почему в России те же самые явления приводили к результатам совершенно обратным, чем на Западе? Почему то, что естественно должно было бы привести к расширению свободы народа, к улучшению правового положения трудящихся классов, к уменьшению социального неравенства вело, наоборот, к политическому рабству, к еще большему закабалению труда, к сугубому социальному возвышению верхних слоев общества за счет подавления и обездоленности низов? В чем причина

этой кричащей ненормальности, характеризующей внутреннее развитие русского государства и придававшей ему неизгладимый отпечаток? Она имела один общий источник — *ненормальное отношение внешней политики государства к внутреннему росту народа*. Эта ненормальность определяла другую и все те неправильные или вернее нездоровые процессы, те «исключения из правил», в которых последняя проявлялась.

Пристальное изучение русской истории привело нашего лучшего историка Ключевского к выводу, что влияние международного положения государства на его внутренний строй в России было более могущественно, чем в какой бы то ни было другой стране. Этот вывод вряд ли может быть кем-либо серьезно оспорен.

Русское государство складывалось в тяжелой напряженной борьбе с внешними врагами, окружавшими его со всех сторон железным кольцом. Это обстоятельство вызвало необходимость в сильной военной организации, способной служить для страны оплотом против напора внешних враждебных сил. Такая организация создавалась под давлением исторической необходимости, ложась, однако, чрезмерно тяжелым бременем на плечи народных масс. Но рост военной силы русского государства шел параллельно с ростом и укреплением абсолютизма, ибо последний естественно пользовался этой силой для утверждения и упро-

чений своего внутреннего господства. Абсолютизм мог, благодаря этому, тем более укрепляться, что огромные жертвы и тяготы, падавшие на народ, ради осуществления внешних задач государства, внутренне обессиливали народные массы, придавливали их к земле, ослабляли их необходимый духовный подъем.

Цари старой Московской династии, объединившие Великороссию, ставили себе задачей восстановление политического и национального единства России, разбитого под ударами татар и литовцев. В этом заключалась цель постоянных войн, которые они вели. И тогда же складывается первая, примитивная, еще чисто азиатская форма русского самодержавия.

После смуты внешняя борьба становится еще тяжелее и напряженнее, требует больших жертв. Чтобы выдержать ее, Россия уже не может оставаться попрежнему прислоненной к Азии и изолированной от Европы высокой стеной закоснелых традиций и невежества. Она нуждается в европейской технике, новых производствах, — ей необходимо стряхнуть с себя лишний балласт азиатчины, а это в свою очередь требовало видоизменения, хотя бы внешних форм, государственности. И в этот период, под давлением необходимости, выковывается остов будущего европеизированного самодержавия. Но наряду с этим процессом, и в прямой связи с ним, усиливается абсолютизм власти, возвышается господствующий

классе и усугубляется экономическое рабство масс.

Европеизация усиливает абсолютизм, давая ему новые средства и возможности, но, обессиливает народ в результате еще большего и чрезмерного напряжения народных сил во внешней борьбе, тем самым ослабляя способность его внутреннего сопротивления. Сила напора абсолютизма увеличивается, — сила отпора масс уменьшается. Европеизация идет на пользу государству, но во вред народу. Абсолютизм, благодаря европейской технике, может крепче заковать страну в цепи и выкачивать из нее большие соки. И это тем более, что обновленная государственная машина, обремененная ради внешних целей, и вне соответствия с внутренними ресурсами, требует гораздо большего количества топлива.

Недаром в этот же период вовсе стесняются народные свободы, труд совершенно становится рабским — крестьяне превращаются в собственность помещиков и, кроме того, на них возлагаются новые и тягчайшие государственные повинности, от которых они раньше были свободны...

После Полтавы войны русского государства получают уже наступательный характер. В боях, силы напрягая, росла Россия молодая. И она выросла настолько, чтобы перейти от обороны к наступлению. Сломлена сила Швеции, приближается к распаду Польша, —

два главных врага России, наносившие ей самые сильные удары. Географически и политически Россия входит в соприкосновение с более передовыми странами Запада, от которых она до того была отрезана. Ее начинают учитывать, как важный фактор в международной борьбе, стремятся втянуть в игру борющихся европейских сил. Благодаря этому, России удается закрепить на западе свои позиции. Избавившись от постоянных угроз с этой стороны, обеспечив себя с Запада, она получает таким образом возможность направить все свои усилия по линии наименьшего сопротивления — к укреплению своего преобладающего влияния в Восточной Европе.

Это период окончательного оформления европеизированного русского абсолютизма. И с той поры начинается поразительно быстрое территориальное расширение России, идущее все более и более ускоренным темпом и вскоре превращающее ее в величайшее, по размеру своей территории, государство современности, раскинувшееся от «хладных финских вод до пламенной Колхиды». Ключевский дал прекрасный образ для характеристики этого процесса. «Внешние успехи России напоминают полет птицы, которую вихрь несет и подбрасывает не в меру силы ее крыльев». Именно, не в меру силы ее крыльев.

Новая история не знает примера такого быстрого и в то же время столь колоссального

территориального расширения государства внутренне бедного, стоящего на низкой ступени экономического и культурного развития. Это обстоятельство является, пожалуй, самым изумительным исключением из правил исторической жизни, опровержением логики истории и ее непреложных законов. Это и есть несомненно основная, центральная антиномия русской истории, еще сильнее изогнувшая изогнутую отклоненную от нормы линию развития русской государственности, сделавшее его еще более ненормальным.

Но русскому народу пришлось расплачиваться за эту антиномию весьма дорогой ценой, ценою не только крови, но и свободы и материального истощения. Ибо наступательная мощь России не создавалась ростом культуры, техники, соответствующим развитием производительных сил. Россия побеждала преимущественно своей массой и своей способностью, в виду обширности ее размеров, приносить огромные неисчислимые жертвы, не свалившиеся под их тяжестью. Она надрывала крепость своего организма, *но удерживалась на ногах.*

На Западе территориальное расширение государства совершалось в известной мере органически и шло параллельно росту их внутренней мощи. Завоевание территории в общем было ничем иным, как употребление во вне избытка внутренней силы, материальной и ду-

ховной и этим фактически устанавливались пределы завоеваниям. Они, конечно, нередко нарушались, но действия нормальных правил исторической жизни вынуждало в конце концов зарвавшихся вперед — возвращаться вспять и равновесие восстанавливалось. И, благодаря этому, на Западе могло установиться сравнительно нормальное отношение между потребностями государства и силами страны. Здесь также были нарушения нормы, но они не принимали таких размеров, как в России.

Одною из главных непосредственных причин французской революции было то, что королевская Франция не могла, сохраняя свою организацию, брать от страны необходимые для содержания ее государственного аппарата средства и она при Людовике XVI очутилась на пороге финансового банкротства.

Русский же абсолютизм мог, ибо взаимоотношение сил между ним и страной было иное. В России все происходило иначе. Огромное территориальное расширение, не отвечавшее росту внутренних народных сил, не только поглощало их избыток, но изнурило и подрывало их, требуя от них непомерного. Оно создавало государству потребности, которые страна нормально не могла удовлетворить. Для этого нужны были *принудительные жертвы*, подрывавшие народное благосостояние, нужно было брать у народа больше, чем он в состоянии был уделить, обрекая его тем самым на тяжкое

и жалкое существование. Между тем, самодержавие обладало уже могучей и грозной организацией и оно крепло одновременно с тем, как слабел народ, что и позволяло ему выполнять эту задачу, в других странах для власти трудно осуществимую. Но для того, чтобы ее выполнить оно естественно должно было стеснять с одной стороны еще больше общественную свободу, с другой — еще больше закабалить труд. Этим объясняются указанные Ключевским два ненормальных процесса — обратно-пропорциональное отношение внешне территориального развития к развитию внутренней свободы народа и обратно пропорциональное отношение политического положения трудящихся классов к экономической производительности их труда.

Для того, чтобы выполнить свою задачу, государство нуждалось еще в орудии — правящем классе. В виду того, что задача эта постоянно расширялась и усложнялась, нужно было расширить состав правящего класса, количественно усилить его. Чтобы крепче привязать его к государственной колеснице, сделать более верным и надежным исполнителем своих предначертаний, надо было осыпать его привилегиями правовыми и имущественными. Отсюда объяснение третьей антиномии, третьего ненормального процесса — рост социального неравенства рядом с демократизацией управления.

Так, в силу всех этих ненормальностей и получился тот ненормальный результат, который сжато, но сильно изложен у Ключевского: «Расширение государственной территории *напрягая не в меру и истощая народные средства*, только усиливало государственную власть, *не поднимая народного самосознания*, вталкивало в состав управления новые более демократические элементы и при этом *обостряло рознь общественного состава*, осложняло народно-хозяйственный труд новыми производствами, *обогащая не народ, а казну и отдельных предпринимателей* и вместе с тем *принижало политически трудящиеся классы*. Народные силы в своем развитии *отставали от задач, становившихся перед государством вследствие его ускоренного внешнего роста*, духовная работа народа *не поспевала за материальной деятельностью государства*. Государство пухло а народ хирел».

Таков был ненормальный результат ненормального развития. Организм с расстроенной нервной системой произвел соответствующие своему расстройству ненормальные явления.

Итак, сила самодержавия росла по мере того, как территориально расширялась Россия, но по мере того же расширения хирел народ и абсолютизм мог, следовательно, не встречая препятствий, утвердить над ним свое все более неограниченное властвование. Госу-

дарство во имя внешних целей выжимало из страны больше соков, чем это допускалось интересами нормального развития народного организма и их впитывало самодержавие, раздуваясь не в меру на чахлом теле народа, давя его своей страшной тяжестью и не давая подняться с земли.

Так выросло русское самодержавие на нездоровой почве истощения духовных и материальных сил народа, культурной отсталости, экономического закабаления труда и глубокого социального неравенства.

Уже в одном этом таилась объективная неизбежность большой революции с глубоким захватом. Чем острее были противоречия самодержавного строя, тем менее оставалось шансов на мирную эволюцию. Чем выше и огромнее было здание абсолютизма, которое предстояло разрушить, чтобы открыть России путь к свободе, тем более широким и мощным должен был быть и революционный размах оставших масс. Самодержавие туго натягивало пружину и надо было ожидать, что она развернется с страшной силой, когда ослабнет рука ее натягивающая.

Но те же нормальные условия, которые привели к образованию и упрочению русского самодержавия, историческая обстановка, среди которой оно развивалось, и самые особенности России содействовали тому, что самодержавный строй продержался гораздо дольше, чем это

*определялось исторической необходимостью. Самодержавие держалось еще очень долго после того, как совершенно изжита была его миссия, когда его существование стояло уже в непримиримом противоречии не только с внутренними, но и с внешними интересами страны, когда оно превратилось в какой-то целепый и зловещий анахронизм среди уже давно вступившей в стадию политической свободы и парламентаризма Европы. Подобно огромному и бесполезному камню оно преграждало для России выход на широкую столбовую дорогу истории. Этот факт оказал самое решающее влияние на русскую революцию, на ее задачи, характер и цели. В нем и только в нем *нужно* искать ее концы и начала.*

На Западе абсолютизм мог восторжествовать над феодализмом отчасти благодаря поддержке городов, явившихся союзниками королей в их борьбе с феодальными сеньерами. Города получали от абсолютистской королевской власти привилегии, которые в значительной мере служили для них щитом против ее произволя. Под их прикрытием они росли и развивались и рядом с абсолютизмом, в недрах возглавляемого им строя, зарождалась и крепла новая сила, в которой воплощалось будущее. В городах зрел эмбрион грядущего буржуазного общества и складывались его формы. Когда они выросли, когда основы нового общественного порядка уже были налицо,

а абсолютизм, лишившийся всякого внутреннего содержания, пустой, как гнилой орех, оказался препятствием для их дальнейшего развития, — они разорвали стеснявшую их оболочку старого строя.

В России и тут происходило все наоборот. И происходило наоборот опять-таки в виду ненормального характера развития и укрепления самодержавия.

Расширение территории и рост государства, истощая и сковывая силы народа, тем самым задерживало экономический прогресс страны. На почве слабой экономики, с крайне замедленным темпом, не могли вырасти крупные социальные силы, способные послужить противовесом самодержавию и вступить с ним в борьбу, когда оно потеряет свое историческое *raison d'être*.

Когда самодержавие сложилось и создало себе прочный фундамент, таких сил еще не было. Самым фактом своего существования и неслыханного могущества в стране экономически бедной, из которой оно выжимало все соки на содержание своего невероятно распухшего государственного аппарата, оно еще долго задерживало образование таких сил в скольконибудь значительных размерах. Еще одно не менее важное обстоятельство благоприятствовало чрезмерной долговечности самодержавного режима. Огромное увеличение населения в России не находило противовеса в соответ-

ствующем росте производительных сил страны, в виду замедленности ее экономического развития. При таком положении Россия могла бы очутиться перед грозной проблемой, чреватой опасностью для самого ее существования и раньше всего для абсолютистского русского государства. Это был бы взрывчатый снаряд огромной разрушительной силы, под самым его фундаментом.

Но та же причина, которая препятствовала экономическому развитию — чрезмерное расширение территории, не соответствовавшей подъемной способности народа — в данном случае открывала выход из его же создаваемого тупика.

Постоянное расширение территории русского государства опережало прирост населения, как бы он не был велик. Оно открывало для народа широкий земельный простор, давало ему возможность растекаться в ширь и в даль, захватывать все новые и новые вольные земли.

И именно благодаря тому, что эта основная проблема народной жизни, встававшая перед всяким сложившимся государством, в России получала такое разрешение, экономические antagonизмы развивались слабо в русском обществе. И развиваясь слабо, они долго не доходили до того пункта, когда их обострение вызвало бы колебание почвы под самодержавием.

К этому необходимо прибавить громад-

ность России, редкость и разбросанность ее населения, малочисленность крупных городских центров, огромную географическую отдаленность страны от передового Запада, колыхали современной цивилизации. Все это, помимо самой ненормальности русского государства, в свою очередь задерживало широкое развитие культуры в народе, задерживало зарождение в массах критической мысли, которая могла бы подвергнуть сомнению старые вековые тардиции, на которых покоилась русская государственность. И это усиливалось еще тем, что русскому народу на его трудном историческом пути не приходилось вступать в более или менее длительное соприкосновение с передовыми народами, которые могли бы приобщить его к ценностям европейской культуры.

На почве низкого культурного развития не могла выработаться гражданская сознательность, не могла проснуться в массе личность, сознающая свои права, тяготящаяся оковами политического рабства, способная пойти сознательным бунтом против отрицавшего ее общественного строя. На почве низкого культурного развития, слабости экономических антогонизмов, при отсутствии вырастающих и кренящихся, под крышей его режима, новых социальных сил, таящих в самой своей природе неизбежный конфликт с ним, при материальной и духовной задавленности народа, колоссаль-

ное здание русского самодержавия, спаянное железом и кровью, могло *пережить все законные сроки*. Больше того, укрепляясь, развиваясь в эпоху широкого развития культуры на Западе, самодержавие черпало из богатой сокровищницы этой культуры все, что могло послужить для укрепления его внешней и внутренней мощи. И оно превратилось в того могучего колосса, который еще на рубеже ХХ-го века стоял грозным признаком перед свободными народами Европы.

Тут также мы сталкиваемся с исключительным фактом, проливающим свет на особенности новой истории России. Такого мощного абсолютизма, обладающего таким государственным аппаратом и вооруженного такими техническими средствами, как русский абсолютизм, Европа не знала. Помимо указанных уже причин, дело заключалось в том, что европейские абсолютизмы существовали в период, когда Западная культура еще находилась на сравнительно низком уровне и техника была слаба... Когда же наше европеизированное самодержавие еще только приближалось к зениту своего могущества, европейское культурное развитие уже ушло далеко вперед. Оно могло пользоваться техническими завоеваниями этого развития, рожденного растущей свободой, чтобы при помощи их крепче душировать свободу в России, увеличивать тяжесть давления своего прессы.

Таким образом, русское самодержавие оказалось во много раз более могущественным, чем в свое время западные абсолютизмы. Для его уничтожения нужны были поэтому и во много раз более могучие усилия, между тем сил, способных вступить с ним в единоборство, в России было гораздо меньше.

Но самодержавие, достигшее таким образом небывалого могущества, не только пережило благодаря этому все законные сроки. Опираясь на свою силу, оно не давало разрешения проблемам русской жизни, постепенно возникавшим вследствие логического развития им же созданного режима.

Для сильной военной и гражданской организации, которая давала ему возможность держать страну в своем железном кулаке, самодержавию необходима была многочисленная образованная бюрократия, необходимы были инженеры, врачи, техники и т. п. И самодержавие собственными руками насаждает в России науку, открывает академии, университеты, гимназии.

Правда, самодержавие принимало все меры, чтобы насаждаемая им наука не давала ничего, кроме специальных технических знаний, чтобы она не будила, а, наоборот, усыпляла критическую мысль, чтобы она не разрушала, а освящала традиции политического рабства. Но это все было напрасно. Наука есть основная сила прогресса. Как ни ограничивать и ни сужать

ее, она все-таки вызывает в человеке жажду знания, потребность понимать и осмысливать явления.

И русская интеллигенция, созданная самодержавием, не могла не прийти к критике существовавших в России общественных отношений, тем более, что, несмотря на все правительственные рогатки, ей все-таки удавалось входить в общение с развитой общественной мыслью передового Запада. Эта интеллигенция в силу своей природы не могла мириться с тем грубым топтанием самых элементарных прав личности, которое являлось характерным для царского режима, не могла мириться с инквизицией цензуры, душившей всякое открытое проявление свободного мнения, она задыхалась в атмосфере полного отсутствия ответственности, наконец ее чуткая совесть стала глубоко возмущаться поработленным положением народа. В лице интеллигенции самодержавие создало себе первого и опасного по силе влияния врага.

Не менее деятельно самодержавие вызывало к жизни других своих врагов. Для сильной военной организации нужна была своя отечественная промышленность, которая могла бы производить необходимые продукты для армии и флота, которая вообще могла бы уменьшить экономическую зависимость от других стран. И самодержавие еще со времени Петра принимается за деятельное насаждение

на русской почве фабричной и заводской промышленности. Это привело неизбежно к образованию городов с относительно культурным и демократическим населением, вызвало к жизни буржуазию, создало пролетариат, для которого основным условием нормального существования является свободная политическая среда.

В то же время, завоеывая непрерывно все новые и новые страны и подвергая покоренные народности жесточайшему национальному гнету, самодержавие возвращало мощные национальные стремления, которые могли получить осуществление лишь при свободном политическом режиме.

Самого опасного для себя врага самодержавие создавало в лице крестьянства, которое в течение веков являлось главным фундаментом его господства.

Расширение российской территории в прошлом столетии дошло до своих естественных границ и прекратилось. Но не прекратился прирост населения и очень скоро здесь создалась пропорция обратная той, которая наблюдалась в прошлом: рост населения опередил рост земли и началось постепенное сокращение прежнего земельного простора. Это обстоятельство оказалось тем более роковым для крестьянства, что, пользуясь в течение веков непрекращавшимся земельным простором, — оно было ли-

шено стимула для постепенного улучшения земледельческой культуры.

Самодержавие, уверенное в своей силе, не подвергаясь мощному внутреннему напору, отмахивалось от всех этих проблем. Этим оно способствовало тому, что они *накапливались все больше и больше* и требовали единовременного разрешения, что еще более усложняло положение. Не будучи разрешаемы постепенно, или хотя бы частично, по мере своего назревания, они, вместе с тем, обострялись до крайности. То, что не могло и не хотело выполнить самодержавие, выпадало на долю революции. Ей предстояло разрешить не одну и не две основных проблемы, как на заре XVIII-го века во Франции, а целый ряд их, причем каждая из них была доведена до крайней степени обострения. Это и определяло чрезвычайно радикальный характер русской революции. Русская революция стала вследствие этого перед задачами, разрешить которые можно было лишь в порядке самого смелого революционного творчества. И, вместе с тем, земельные требования крестьянства — главной опоры революции — вылились в такую форму, что удовлетворение их уже выходило из рамок «нормального капиталистического строя».

Таким образом, русское самодержавие, которое, как мы видели, превратилось в могучую организацию прежде, чем стали зарождаться силы, способные ему противодействовать, и

имевшие возможность, благодаря этому, держаться гораздо дольше, чем это определялось исторической необходимостью, — привело к такому накоплению и такому обострению проблем народной и государственной жизни, что разрешение их уже оказывалось невозможным без коренной ломки общественного строя страны.

Чем дольше существовал «сверх срока» царизм, все более запутывая положение и создавая неимоверные трудности, тем неизбежно сильнее должны были быть потрясения революции и шире ее размах. Разрушительная сила революции должна была соответствовать принудительной силе самодержавия, радикальность ее требований и задач — тяжести и длительности царского гнета, над свободой и трудом народа, над правами человека и наций.

Русской революции, волею истории, суждено было сразу получить более радикальный характер, чем прошлые революции запада, ибо она явилась результатом совершенно особенного и своеобразного исторического развития.